

Вечером Ли Жун лежал в постели, безучастно глядя в потолок.

— Какого масштаба была слава моих родителей? — негромко спросил он, словно обращаясь к самому себе. — Я уже почти не помню.

Прошло слишком много времени, и детали в памяти начали стираться. Он лишь смутно припоминал те месяцы, когда новости об отце и матери не сходили с экранов, а в лентах социальных сетей то и дело всплывали их цитаты, превращённые в «золотые правила науки». В то время стоило издательству, ресторану или университету упомянуть их имена, как на них тут же обрушивался шквал общественного внимания, словно наложенный «эффект триумфа».

Ради продвижения «Люйиньской» они давали интервью едва ли не каждую неделю. Позже эти беседы кромсали на рекламные статьи, где под видом «рекомендаций профессора Ли» доверчивым гражданам впаривали сомнительные товары. Если судить по меркам шоу-бизнеса, о которых любил рассуждать Линь Цинь, его родители были настоящими звёздами первой величины.

Цэнь Сяо мягко опустил раскрытый увесистый том прямо на лицо Ли Жуна.

— Спи.

Ли Жун стащил книгу и, прищурившись, посмотрел на партнёра.

— Толпы журналистов жаждут интервью со мной — единственным сыном Ли Цинли и Гу Нун. Думаю, момент настал.

Цэнь Сяо отложил книгу в сторону и привычным жестом притянул юношу к себе.

— Хочешь повторить путь родителей?

Ли Жун усмехнулся, но в глубине его глаз заплясали искры азарта.

— Говорят, чем выше заберёшься, тем больше падать, а за полным месяцем всегда следует убыль. Но я намерен пойти именно этим путём. И дойду по нему до самого конца.

Скрываться в тени и молча дергать за ниточки — слишком скучно. Если уж побеждать, то красиво, на глазах у всего мира.

Цэнь Сяо коснулся губами его губ, а затем, протянув руку к тумбочке, выключил лампу. В

наступившей темноте его голос звучал низко и уверенно:

— Делай что задумал. Если оступишься — я тебя подхвачу.

— Я знаю, — голос Ли Жун после поцелуя звучал мягко и сонно. Он обвил руками шею Цэнь Сяо, и они вместе нырнули под одеяло.

***

На следующее утро Ли Жун выбрал одно из старейших изданий с безупречной репутацией. Аудитория у этого медиа была скромной, но Ли Жуну и не нужен был их трафик.

Спустя час, отведённый на интервью, юноша быстро перекусил сэндвичем и, не теряя времени, направился в Исследовательский институт «Хунсо».

Цзян Вэйдэ как раз закончил утреннюю планерку со студентами. Он только успел поднести ко рту овощной блинчик, заботливо приготовленный женой, как раздался звонок от охраны: пришёл Ли Жун. Профессор со вздохом отложил еду обратно в контейнер и несколько раз тщательно прополоскал рот.

Поправив пиджак, он уселся в рабочее кресло, намереваясь просмотреть отчёты о расходах, пока гость поднимается, но буквы плыли перед глазами. Лишь когда Ли Жун символически постучал и вошёл в кабинет, Цзян Вэйдэ почувствовал, как к нему возвращается самообладание. Он захлопнул крышку ноутбука и поднял взгляд.

— Опять пришёл? Вчера ты выглядел куда более внушительно, когда заявлял, что воссоздашь «Люйиньсюй» в одиночку.

В его тоне сквозила укоризна за юношескую самоуверенность, но злобы не было. Профессор почти не спал этой ночью из-за переживаний, и даже завтрак ему сегодня принесла супруга, обеспокоенная его состоянием.

Ли Жун опустился на диван и невинно улыбнулся:

— Учитель, вы злитесь на меня за то, что вчера я почти не обращал на вас внимания?

Цзян Вэйдэ одарил его тяжёлым взглядом и тяжело вздохнул:

— С чего бы мне злиться? Я провёл у тебя всего одну лекцию. Мы, по сути, почти чужие люди.

Ли Жун уловил в этих словах затаённую обиду. Собеседника явно задело то, что вчера юноша с

таким почтением внимал трём другим профессорам, совершенно игнорируя его присутствие. Хотя их связь была куда глубже, чем одна лекция.

Улыбка медленно сползла с лица Ли Жуна.

— Тогда, может быть, учителю неловко из-за того, что он скрывал от меня существование Группы «Высокая башня»?

Не только в этой жизни, но и в прошлой Цзян Вэйдэ ни разу не обмолвился об этой организации, из-за чего множество важных деталей ускользнуло от внимания Ли Жуна. Профессор вздрогнул и отвел взгляд. Он не собирался признаваться, но чувство вины читалось на его лице слишком явно. Цзян Вэйдэ не умел скрывать эмоции, хотя юноша понимал: старик не жалеет о своём молчании.

— Я пришёл к вам, потому что обдумал вчерашний вечер и понял, что допустил оплошность, — спокойно произнёс Ли Жун после недолгой паузы.

Цзян Вэйдэ тут же приободрился, мгновенно забыв о неловкости. Наконец-то ученик проявил благоразумие! Профессор вскочил с места и трижды ударил ладонью по столу:

— Наконец-то ты это понял! Воссоздать «Люйиньской» на одном вдохновении невозможно! Ты хоть представляешь, сколько сил вложили в него твои родители? Это была чистой воды авантюра!

Ли Жун терпеливо выслушал тираду и лишь хлопнул ресницами:

— Я знаю, что родителям пришлось нелегко. Но...

Цзян Вэйдэ потёр виски, чувствуя, как от волнения бешено стучит пульс.

— Я понимаю твоё нетерпение. Раз уж всё случилось, давай так: я поговорю с ними и...

Ли Жун не выдержал и негромко рассмеялся:

— Учитель, вы меня не поняли. С чего вы взяли, что я решил отступить?

Цзян Вэйдэ замер.

— Так ты пришёл не за тем, чтобы я помог тебе всё остановить?

Юноша лениво перебирал пальцами бахрому на краю одежды.

— Просто ночью я подумал вот о чём: люди часто обещают что-то на эмоциях. Это как хвастовство под хмельком — стоит пылу остыть, и любой, кто умело подберёт аргументы о «рисках и выгодах», заставит их отречься от своих слов. Я решил, что не могу этого допустить. И вспомнил о вас.

Профессор лишился дара речи. Ли Жун мельком взглянул на электронные часы на стене.

— Самое время. Уверен, «доброжелатели» уже начали действовать. Учитель, очень прошу вас: поддержите огонь. Я воссоздам «Люйиньской», и это пламя не должно погаснуть.

Цзян Вэйдэ стоял как громом поражённый. Ли Жун прищурился, отпуская истерзанную бахромку.

— Судя по вашему лицу, кто-то уже попытался вылить на меня ушат холодной воды?

Он попал в точку. В половине восьмого утра Чжан Чжаохэ уже всю обсуждал в общем чате вчерашнюю встречу, и итогом дискуссии стало решение — проекту не быть.

Ли Жун встал и подошёл к столу профессора. Его лицо стало предельно серьёзным.

— Где это обсуждалось? На собрании или в сети? Сейчас время лекций, скорее всего — в мессенджере. Можно мне взглянуть на переписку?

— Ты... — выдохнул Цзян Вэйдэ.

Острота ума собеседника пугала. Профессор по-прежнему считал идею воссоздания препарата фантастикой, но каждый раз, когда он пытался применить к нему обычную логику, Ли Жун поражал его своей пронизательностью, заставляя сомневаться в очевидном.

Юноша протянул руку, и его голос прозвучал твёрдо, не терпя возражений:

— Покажите мне, учитель. Это важно.

Цзян Вэйдэ посмотрел ему в глаза и увидел там странное, почти необъяснимое доверие. Он знал, что Ли Жун мастерски умеет притворяться — ведь он так и не разгадал, как юноша смог опубликовать гипотезу отца. Он не знал, было ли это доверие очередной маской, но внезапно понял, что не может отказать.

На самом деле он давно не понимал чувств юноши к нему. По логике вещей, после того как Цзян Вэйдэ публично объявил статью собственностью института, Ли Жун должен был его возненавидеть. Но ненависти не было. Сначала юноша держался на расстоянии, соблюдая холодную вежливость, но когда «Сухэ» начала давить, он пришёл именно к нему. Почему он

решил, что старик поможет? Почему поверил, что он поддержит проект «Люйиньсюй»?

Странно.

Профессор медленно развернул монитор и открыл историю совещания во внутреннем мессенджере «Хунсо». Да, Группа «Высокая башня» уже в открытую использовала корпоративное ПО института для своих целей, и Чжу Янь об этом даже не подозревал.

Ли Жун опёрся руками о стол и впился взглядом в экран.

[Чжан Чжаохэ: Я размышлял всю ночь и пришёл к выводу: в вопросе воссоздания «Люйиньсюй» нужно сохранять хладнокровие. Шансы на успех, основанные лишь на памяти ребёнка, ничтожны. Но если слухи поползут, под ударом окажется репутация каждого из нас. Вы — заслуженные профессора, и сами прекрасно понимаете риски. Вчера все были слишком эмоциональны из-за Ли Жуна, и это понятно]

[Чан Ли: Хм... Может, стоит попробовать, не предавая это огласке?]

[Янь Ючжун: Это была мечта профессоров Ли и Гу. Мальчик действительно настроен серьёзно]

[Ли Юнши: Вчера мы и вправду поддались чувствам. Но раз он смог сам закончить ту статью, значит, у него есть какая-то база]

[Чжан Чжаохэ: Мы все готовы положить жизни на алтарь науки, это не обсуждается. Но я беспокоюсь за Ли Жуна. Он молод, у него впереди блестящее будущее. Если неудача подорвёт его веру в себя или если он повторит судьбу отца из-за завышенных ожиданий толпы... Эх. Мы-то выстоим, но Ли Жун не переживёт ещё одного провала. Мы должны подумать прежде всего о нём]

[Чан Ли: Если об этом узнают, реакция публики действительно может стать угрозой. Помните, что случилось с его родителями... Честно говоря, мне до сих пор не по себе]

[Янь Ючжун: Что ж... тогда я присоединюсь к мнению большинства]

[Ли Юнши: В этом деле действительно нужна осторожность]

[Чжан Чжаохэ: Группа «Высокая башня» не боится поражений, но у нас есть уязвимое место. Если мы не сможем защитить наследника брата Ли, я не найду покоя]

***

Ли Жун быстро пробежал текст глазами и язвительно усмехнулся.

Чжан Чжаохэ действовал на редкость гнусно. Прикрываясь заботой, он навесил на Чан Ли и остальных тяжёлые моральные оковы. Он заставил их поверить, что в случае неудачи юноша станет жертвой той же травли, что погубила его родителей. Используя страх перед трагедией, которой ещё не случилось, он методично убивал надежду.

Учёные, вероятно, ещё и восхищались «мудростью» и «чуткостью» своего лидера.

Ли Жун посмотрел на Цзян Вэйдэ:

— Учитель, полагаю, вы тоже не слишком согласны с Чжан Чжаохэ? Иначе вчера ваше лицо не было бы таким мрачным.

Он был уверен: Цзян Вэйдэ изначально не хотел, чтобы он вступал в Группу «Высокая башня». Профессор попытался уйти от острого вопроса:

— Такая вероятность существует. Осторожность никогда не бывает лишней.

Ли Жун нахмурился, и его взгляд стал острым как бритва:

— Не бывает лишней? Кто всё это время мешал «Люйиньской» выйти в свет? Вы называли их врагами, намекали на Чжу Яня. Но Чжан Чжаохэ сейчас делает ровно то же самое. Почему же, стоит ему сменить риторику, как вы тут же с ним соглашаетесь?

— Это... — Цзян Вэйдэ не нашёл слов.

Ли Жун подался вперёд, в его голосе зазвучал металл:

— Неужели вы никогда не сомневались в нём? После смерти моих родителей Чжан Чжаохэ прибрал к рукам всю группу. Но почему? У него нет перед вами никакого научного преимущества! Что он сделал для моих родителей, возглавив организацию? В группе двадцать тысяч человек, и ни один не подал голоса в их защиту. Я не поверю, что все двадцать тысяч — трусы, дрожащие за свою шкуру. Как вы могли с чистой совестью приходить на их похороны? Хоть на секунду кто-то из вас попытался протянуть им руку помощи?!

Цзян Вэйдэ вспыхнул, его лицо и шея покраснели, пульс на висках застучал ещё сильнее.

— Ты не знаешь всей правды! — вскричал он в негодовании.

Ли Жун прищурился и мгновенно парировал:

— А вы сами — вы её знаете?!

Профессор замер. Юноша глубоко вздохнул, подавляя гнев:

— Я давно хотел спросить: что заставило «Хунсо» хранить гробовое молчание? Допустим, Чжу Янь — эгоистичный трус, боящийся обжечься. Но вы? Ваша Группа «Высокая башня»? Те, кто когда-то вместе с моим отцом поднимался на гору Та? Вы ведь собрались вместе именно потому, что увидели несправедливость в деле Сюй Танхуэй! Почему же, когда пришло время, вы сами стали теми, кто молчит?!

У Цзян Вэйдэ закружилась голова, и он бессильно рухнул в кресло. Лицо его осунулось. Лишь спустя минуту перед глазами перестало плыть. Профессор потянулся к очкам и водрузил их на переносицу.

— Когда всё началось, мы были в шоке, — начал он усталым голосом. — Мы не знали, что «Люйиньсюй» подменили. Все думали, что препарат действительно убил детей. Наука допускает ошибки при создании новых лекарств, это горькая правда. Но по-человечески нам было больно за тех сирот. Мы считали гнев людей оправданным. Сначала новости не были такими безумными, и мы надеялись, что буря скоро утихнет, а мы сможем провести анализ и продолжить работу. Но однажды всё изменилось. Лавина слухов накрыла мир, и оправдываться стало поздно. Любое объяснение тонуло в океане ярости. Казалось, пока этот шторм не выдохнется, любые действия бесполезны. А потом... твои родители не дождалась конца шторма. Когда их не стало, мы решили, что пора сказать слово в их защиту. Но Чжан Чжаохэ остановил нас. Он сказал, что твои родители не хотели, чтобы мы пострадали. Они были слишком добрыми людьми и до самого конца не желали обременять коллег своими бедами. Затем проект закрыли, и всё стихло. Не думай, что мы дрожали за свои имена. Мы просто уважали волю ушедших, не хотели тревожить их души своими заботами.

Ли Жун слушал, качая головой, и наконец горько рассмеялся:

— Уважали волю ушедших? И поэтому позволили им уйти с клеймом убийц, не давая покоя даже после смерти? Вы смотрели, как закрывается проект всей их жизни, и даже над публикацией отцовской гипотезы раздумывали несколько месяцев! Если это ваше «уважение», то избавьте нашу семью от такой милости!

— Я сомневался! — рявкнул Цзян Вэйдэ, хлопая ладонью по столу. — Но что я мог сделать? Чжан Чжаохэ был последним, кто видел твоих родителей живыми. Он передал нам их слова, и они... они были в их духе!

Ли Жун покачал головой.

— Нет. Последним, кто видел их, был я.

Профессор замер, и в его глазах отразилось запоздалое озарение. Действительно, последним,

кто говорил с Ли Цинли и Гу Нун, был их сын, попавший в больницу с тем же отравлением. Но никому не пришло в голову спросить его, что же произошло той ночью. Для всех он был просто ребёнком.

— Теперь я понимаю, как Чжан Чжаохэ добрался до вершины, — ледяным тоном произнёс Ли Жун. — Ему не нужно было быть умнее вас. Ему достаточно было прикрываться именами моих родителей. Пока вы верите, что это их воля, вы будете подчиняться.

Лицо Цзян Вэйдэ побледнело. Он не хотел этого признавать, но слова Ли Жуна били не в бровь, а в глаз. Любое распоряжение Чжан Чжаохэ, поданное как «последняя воля», исполнялось беспрекословно. Любое несогласие тут же подавлялось большинством во имя «уважения к покойным». Постепенно это стало нормой — ведь исполнять чужую волю куда удобнее, чем брать на себя ответственность.

— Я сам, шаг за шагом, восстанавливал правду, — продолжал Ли Жун. — Я — всего лишь студент. Представьте, как мне было трудно. А вы, обладая всеми ресурсами и связями, даже не попытались ничего узнать. Если бы не я, когда бы с моих родителей сняли обвинения? Какое из дел, порученных вам Чжаном, пошло им на пользу? За последние два года всё, чем занималась группа — это попытки сместить Чжу Яня. И это ради моих родителей? Им никогда не нужно было кресло директора. Зачем им было враждовать с ним? Стоит только подумать, и станет ясно: всё это — лишь личные амбиции Чжан Чжаохэ. Его настоящее имя — Чжан Сихай. Когда-то, ещё в аспирантуре, Чжу Янь присвоил результаты его исследований и вышвырнул из университета. Он просто мстит. Всё, что он делает, направлено лишь на то, чтобы лишить Чжу Яня власти!

Цзян Вэйдэ выглядел потрясённым.

— Значит, утверждение, что гипотеза твоего отца была опубликована институтом... — пробормотал он.

— Дело рук Чжан Чжаохэ, — закончил Ли Жун. — Кто бы сомневался.

Профессор медленно покачал головой, погружаясь в тяжёлые воспоминания.

— Тогда, на приёме в отеле «Семь звёзд», когда новость прогремела как гром среди ясного неба... Я должен был что-то ответить как будущий директор. Чжу Янь написал в чате, что институт не в курсе, и это, вероятно, личная инициатива Ли Цинли. Я уже собирался подтвердить его слова, но Чжан Чжаохэ...

— Чжан Чжаохэ велел вам сказать, что это инициатива института, — добавил Ли Жун. — Не ради спасения ситуации, а чтобы публично унижить Чжу Яня, показав, что вы слушаете не его, а Чжана. В итоге вы оказались в центре скандала, а он просто умыл руки.

Цзян Вэйдэ с трудом кивнул. Тот инцидент действительно сильно ударил по его репутации.

Коллеги поглядывали на него с осуждением, а он не мог ничего объяснить.

— Вы — следующий директор «Хунсо», учёный с безупречным именем, — спокойно произнёс Ли Жун, срывая последнюю маску. — Этим ходом Чжан убил двух зайцев: и Чжу Яня уколол, и вас сбросил с пьедестала.

Когда Чжу Янь уйдёт на покой и его место займёт Цзян Вэйдэ с подмоченной репутацией, он не будет представлять угрозы для власти Чжан Чжаохэ.

— Я никогда не стремился к власти, зачем же он так... эх! — собеседник наконец осознал, как ловко его использовали, несмотря на всю его осторожность.

Ли Жун решил не сбавлять оборотов:

— Что такое проект GT200? Все говорят о его важности, но результатов никто не видел.

— GT200 — это не научный проект, — вздохнул профессор. — Это предложенный Чжаном план «самоспасения и расширения» группы после инцидента с «Люйиньсюй». Я не понимал, зачем ему кодировка GT, а он говорил, что это для отвода глаз. Теперь понятно: проект завершён успешно — он получил власть.

Ли Жун язвительно усмехнулся:

— Отвод глаз тут ни при чём. Ему просто нужно было вписать своё имя в историю рядом с кодами GT, хотя его научный уровень не позволил бы ему попасть туда честным путём.

Цзян Вэйдэ закрыл глаза.

— Когда ты начал подозревать его?

Ли Жун посмотрел на усталого старика, и в его сердце шевельнулась жалость. Прямолинейный учёный, всю жизнь отдавший науке, оказался втянут в грязные игры за власть.

— Я никогда ему не верил, учитель. Сейчас главное — не дать ему остановить проект «Люйиньсюй». Чжан Чжаохэ не может вечно прикрываться моими родителями. Ему нужно самому стать духовным лидером группы, поэтому он не хочет, чтобы «Люйиньсюй» снова возвеличил их имена. Мы не должны этого допустить.

Цзян Вэйдэ долго молчал, прежде чем выдохнуть:

— Я понял.

На глазах у Ли Жуна он открыл архивный чат совещания и оставил сообщение:

[Только освободился после встречи со студентами. Считаю, что предложение Ли Жуна абсолютно оправдано. После закрытия архива «Люйиньсюй» я лично изучал материалы и помню достаточно, чтобы давать консультации. К тому же у нас есть ассистенты, работавшие с профессорами Ли и Гу. Шансы на успех крайне высоки. В Ли Жуне живёт дух его родителей, он не из тех, кто пасует перед трудностями. Прошу коллег отбросить сомнения и приступить к работе]

Затем он повернулся к юноше:

— Я сделаю всё, что в моих силах. Но помни: последнее слово за Чжан Чжаохэ. В такой огромной организации сдвинуть дело с мёртвой точки невероятно сложно. Я не могу гарантировать результат.

Ли Жун серьёзно кивнул:

— Я понимаю. Спасибо, учитель. Мне пора.

— погоди! — Цзян Вэйдэ замялся. — Твои родители... они оставили тебе какое-то напутствие?

Ли Жун улыбнулся загадочной улыбкой:

— Конечно. Очень скоро вы всё узнаете.

Профессор хотел было расспросить подробнее, но юноша явно не собирался откровенничать.

— Ладно, действуй как знаешь. В этих делах ты смыслишь больше моего.

Когда Ли Жун уже направился к выходу, Цзян Вэйдэ достал из ящика стола свежестопеченный документ.

— Думаешь, я их просто так обнадёжил? Возьми. Я вчера полночи вспоминал всё, что видел в архивах по «Люйиньсюй». Может, тебе это поможет восполнить пробелы.

Несмотря на внешнее недовольство, профессор боялся, что юноша не справится и разделит судьбу родителей. Поэтому всю ночь он восстанавливал по памяти формулы и протоколы.

Ли Жун на миг замер. Спрятав нахлынувшие чувства, он молча принял бумаги и, уже выходя, негромко произнёс:

— Те овощные блинчики у вашей жены и вправду очень вкусные.

— Что? — Цзян Вэйдэ на мгновение растерялся. Мысли его работали медленно. Ли Жун уже скрылся за дверью, а он так и не смог вспомнить, когда это юноша успел попробовать стряпню его супруги.

***

Всё шло по плану Ли Жуна. Слова Цзян Вэйдэ заставили Чан Ли и остальных заколебаться. Ли Жун мог действовать импульсивно, но старый профессор — никогда. Его научный авторитет был непререкаем: если он говорит, что шансы есть, значит, так оно и есть.

Раз вероятность успеха велика, глупо было бы даже не попытаться.

Но Чжан Чжаохэ явно был против.

И пока чаша весов колебалась, газета «Научный вестник» опубликовала видеопрофиль. Сначала ролик не привлёк особого внимания, но стоило популярному актёру Линь Циню сделать репост, как видео мгновенно разлетелось по сети.

Заголовок бил не в бровь, а в глаз: в нём фигурировали имена Ли Цинли и Гу Нун, а также название «Люйиньсюй». Интервью давал их единственный сын, блестящий студент Университета А, Ли Жун.

В беседе он чётко обозначил несколько ключевых моментов:

— Я благодарен всем, кто помог вернуть честное имя моим родителям и поддержал «Люйиньсюй».

— Исцеление больных было последним желанием моих отца и матери. Я сделаю всё, чтобы оно исполнилось.

— К сожалению, в день возобновления проекта оригинальные материалы в архиве были уничтожены в результате «несчастливого случая».

— Но не стоит отчаиваться. Родители успели объяснить мне все этапы синтеза. С помощью профессоров Чан Ли, Янь Ючжуна и Ли Юнши, а также под руководством профессора Цзян Вэйдэ, я в кратчайшие сроки воссоздам препарат.

— Новый проект получит название GT201.

Интервью произвело эффект разорвавшейся бомбы. И план по воссозданию препарата, и правда об уничтожении архива были информацией, которую следственная группа и Институт «Хунсо» пытались скрыть любой ценой. Но теперь, благодаря Ли Жуну, всё стало достоянием общественности.

[«Люйиньсюй» уничтожен?!]

[Неужели недобитки из «Сухэ» ещё сопротивляются? Как можно было допустить пожар в архиве?! Это просто смешно!]

[Чем занимается следственная группа? Им плевать на народ?]

[Какое счастье, что профессора Ли и Гу успели обучить сына! Только на него и надежда!]

[Требуем немедленного расследования! Виновные в уничтожении архива должны быть наказаны!]

[Это доказывает, что у Чжэн Чжупаня остались сообщники, и в следственной группе не всё чисто! Подумайте сами: без «Люйиньсюй» главным выгодоприобретателем остается Цзякэтин от «Сухэ». Нас пытаются заставить покупать их отраву!]

[А я-то думал, они уже заводы строят! Какая наглость — молчать о случившемся и водить нас за нос!]

[Помните, сколько было пафосных благодарностей? Нас просто обманули]

[У профессоров, оказывается, такой сын... Бедный мальчик, сколько ему пришлось пережить]

[Верните нам «Люйиньсюй»! Верим в Ли Жуна — эта семья спасает нас снова и снова]

[Знаете, а сын профессоров выглядит на удивление надёжным, несмотря на молодость]

[Из Университета А — значит, и красив, и умён. Если бы не та трагедия, какой счастливой была бы их семья...]

***

Интервью вышло вечером, а на монтаж и подготовку ушло несколько часов. Это значило, что Ли Жун продумал каждое слово заранее.

Слова Цзян Вэйдэ в сочетании с этим громким заявлением застали Группу «Высокая башня»

врасплох. Чан Ли и остальные не ожидали такой скорости, но возражать не могли: они уже дали обещание, и теперь отступить было некуда.

Чжан Чжаохэ понимал, что группа ждёт его распоряжений, но молчал — у него просто не было готового решения, которое позволило бы выйти из этой ситуации без потерь.

Тем временем в кабинете Чжу Яня шло экстренное совещание. Из-за новости об уничтожении «Люйиньсюй» верхушка института лихорадочно соображала, как минимизировать ущерб и вывести «Хунсо» из-под удара разъярённой общественности.

Ли Жун давал это интервью, пока Цэнь Сяо ждал его в кабинете. Теперь, видя, как общественное мнение разворачивается именно так, как было задумано, Цэнь Сяо слегка сжал его лодыжку:

— Доволен?

Ли Жун пододвинулся ближе, закинув ноги ему на колени, и лукаво приподнял подбородок партнёра указательным пальцем:

— Еще не совсем. Теперь мне нужно, чтобы холодный и беспощадный капитан Цэнь подыграл мне в одной маленькой сцене.

<http://bllate.org/book/15351/1574018>